

*Бабаева Е.,
научный сотрудник Института литературы имени Низами Гянджеви
Национальной академии наук Азербайджана*

СИНТЕЗ ИСТОРИЗМА И МОДЕРНИЗМА (РОМАН «ПЕРЕСЕЛЕНИЕ»: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РАЗМАХ ИСТОРИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ)

Аннотация. В статье анализируется проблема исследования историзма и модернизма на основе романа известного азербайджанского прозаика М. Сулейманлы «Переселение». Подчеркивается, что автор, не используя традиционный путь исторического романа, создал оригинальное произведение на историческую тему. В этом романе нет исторической личности, нет господствующей силы, или идеологии. Здесь конфликтующими сторонами являются племена Гаракелле и Ганыгушагы. Писатель, описывающий трёхсотлетнюю вражду двух племён, опирается на высшие моральные ценности. М. Сулейманлы уделяет большое внимание нравственным аспектам. В романе главную роль играет мироощущение, подсознание автора и исторический материал. Роман «Переселение» занимает достойное место в азербайджанской прозе XX века.

Ключевые слова: М. Сулейманлы, исторический роман, конфликты, художественное мышление, морально-нравственные нормы.

Постановка проблемы. Художественное исследование историзма и модернизма составляет особый этап в азербайджанской прозе 70–80 гг. XX столетия. В истории литературно-художественной мысли Азербайджана ни в одном промежуток времени возвращение к исторической теме в художественном мышлении не было столь плодотворным и искusstным. Развитие литературного процесса наряду с общественно-политическими событиями вынуждало мастера слова к поиску новых тем, новых стилей и литературных героев. Одновременно изменилось отношение к прошлому, к самому взгляду на историю, становилось возможным дать новое направление современным жизненным событиям, морали современного человека, процессам, происходящим в сознании, в моральном состоянии людей. Изучение прошлого народа, путей его исторического развития, борьбы за свободу и независимость именно посредством художественного мышления создает огромные возможности для формирования нового поколения истинных граждан Азербайджана. Потому что есть различие между взглядами историка и писателя на физические события, их влиянием на общество или же влиянием художественного мышления на современников. Т.е. писатель не ограничивается только силогическим, сухим исследованием истории, он также раскрывает философию, мировоззрение и психологию времени, людей. Критик М. Гусейн справедливо писал: «Если историк отражает общие общественные отношения времени, то писатель больше комментирует психологию времени» [1, с. 417].

Конечно, главным критерием в отношении мастера слова к истории является не искажение исторической реальности, а сохранение в основном сущности фактов и событий. Но нельзя отрицать самостоятельность литератора в вопросах взгляда на историю, в средствах описания исторических фактов

и событий, представления образа мышления и психологии исторических личностей. В этом смысле мы становимся свидетелями соблюдения специфических закономерностей жанра в творчестве, во взглядах на исторические факты и события видных деятелей азербайджанской прозы Ю.В. Чэмэнзминли («В крови», «Девичий родник») и М.С. Ордубади («Меч и перо»). Но со временем меняется и художественный взгляд на историю, появляются новые примеры описания исторических фактов и событий в художественном мышлении.

Цель статьи – проанализировать проблему историзма и модернизма на основе романа известного азербайджанского прозаика М. Сулейманлы «Переселение».

Анализ последних исследований. Подтверждение прошлого в азербайджанской прозе 70–80 гг. прошлого столетия характеризуется традиционными и оригинальными методами описания исторических тем. В этой прозе наряду с романами, посвященными жизни, времени и деятельности исторических личностей (Романы «Вспомни меня», «Баку – 1501» А. Джафарзаде, «Кызылбаши» А. Ниджата, «С шашками наголо» Дж. Баргюшада, «Покорение Фатали» Ч.Гусейнова, «Поле Кярама» Ф. Ейвазлы), в произведениях («Махмуд и Марьям» Эльчина Эфендиева, «Тройное ружье» И. Эфендиева, «Худаферинский мост» Ф. Керимзаде), являющихся выражением нового художественного взгляда на определённый этап истории, авторы смогли отразить исторический пафос в художественном мышлении. В первой группе романов авторы основывались на исторических источниках, а во второй – на синтез историко-художественного мышления. Можно также утверждать, что в азербайджанской художественной прозе 70-х гг. XX века наступил новый этап во взгляде на историю. Здесь не идет речь об отражении жизни, деятельности исторических личностей или же какого-то определённого времени народа в художественном мышлении. В этой прозе предусматривается путь развития определенного народа, определенной общности в целом, нескольких этапов истории и образа мышления, психологии народа в общем. Можно утверждать, что после произведения известного киргизского писателя Ч. Айтматова «День, равный веку» начался новый этап в художественном описании исторического мышления. В произведениях Эльчина Эфендиева «Белый верблюд», В. Самедоглу «Судный день», С. Ахмедова «К Азыху», М. Сулейманлы «Переселение» историческая тема представляется в форме слияния мифического мышления и современных реалистических черт и условностей. Здесь исторические факты и события отличаются не видимыми признаками, а внутренней структурой. Литературовед, критик Б. Набиев, совершенно правильно оценивая в свое время этот процесс, происходящий в прозе Азербайджана, писал: «Наши прозаики в романах «Переселение», «Судный день», «Белый верблюд»,

«Махмуд и Марьям», «Рог носорога» и в других произведениях в той или иной степени путем противопоставления и чередования прошлого и современности, условных образов и средств описания показали не терпящую девальвации непрекращающуюся борьбу света и тьмы, добра и зла, мужества и коварства и на основе всего этого человечности и невежества» [4, с. 46].

Изложение основного материала. В романе «Переселение» М. Сулейманлы взгляд писателя на историю отличается по размаху своего мышления. В этом произведении поиски мастера слова не ограничиваются только созданием отдельных характеров и образов, а также запоминается в целом своеобразием разработки темы и идеи. М. Сулейманлы, описывающим в романе «Переселение» стихию движения, похода, пути развития огромной общности людей (в определённом смысле народа) смог определить грани историзма и модернизма (прошлого и современного). С этой точки зрения этот роман по некоторым параметрам можно считать феноменом в азербайджанской прозе. Взгляд М. Сулейманлы на историю, являющийся результатом народного мышления, обогатил жанр исторического романа новыми элементами и оттенками. Литературная критика времени постаралась вовремя увидеть и оценить достоинства этого произведения. Оценки, данные этому роману, начиная с «Открытого письма» Б. Бахабаде, адресованного автору произведения до статей А. Гусейнова, отражающих литературный процесс со всеми его реальностями, сохраняют свою ценность донныне. Первичная оценка этого романа, данная А. Гусейновым, отличается своей научностью, объективностью: «И роман «Переселение» М. Сулейманлы привлекает внимание силой пафоса поиска и содержанием, свежестью мастерства. Несмотря на то, что здесь мы непосредственно не встречаемся с историческим персонажем или же событием, произведение можно считать примером исторической прозы» [2, с. 173–174]. Критик совершенно прав. Потому что автор, не используя здесь традиционный путь исторического романа, создал оригинальное произведение на историческую тему (здесь нельзя упускать из виду некоторые условности). Если в романе разные этапы развития народа (или же определенной общности), его морально-психологический мир, социально-нравственные проблемы не описываются в свете размаха исторического мышления, то неуместно назвать такое произведение историческим. Правда, в романе обстоятельное описание этнографических элементов, обычаев и традиций, национальной психологии временами берет верх над событиями и сюжетами из прошлого азербайджанского народа. Вместе с тем нельзя забывать, что и эти факторы в конечном итоге являются особенностями, отражающими историческое мышление и поэтому они вызывают интерес. В свое время исследователь М. Иманов, также отмечая этот недостаток, писал: «К великому сожалению, в романе во многих случаях этнографическая информация берет верх над художественным материалом, архаизм не выражается живыми образами». Соглашаясь в определенной степени с этим мнением М. Иманова, мы должны отметить, что, возможно, эта особенность вытекает из жанрово-стилистического богатства, указанного произведения М. Сулейманлы. Потому что М. Сулейманлы старался выразить путь исторической эволюции одного общества (одной общности) слиянием, синтезом разных жанров и стилей, и можно решительно утверждать, что он добился своей цели. Невозможно представить прошлое народа без его истории, этнографии, психологии. Одним из главных целей писателя было описание таких качеств одного племени,

как храбрость, мужество, великодушие, героизм, опираясь на традиции «Китаби – Деде Горгуд» («Книга Деде Горгуда»). Но М. Сулейманлы не ограничивается описанием исторического формирования только одного племени, общества, а периодически, временами, бросает взгляд на межплеменные отношения, на путь их общественно-психологического развития.

Одним из факторов, удовлетворяющих нас, является описание судьбы народа в рамках новшеств, приведённых в поэтику исторического романа и размах художественного исследования пути его развития. Несмотря на то, что художественное описание судьбы народа не нашло своего системного отражения в прозе Азербайджана, М. Сулейманлы в определенном смысле предпринял попытку изменить устоявшуюся теорию исторического романа. Критик Б. Набиев, также имея в виду именно это мнение, писал: «По нашему мнению, в нашей практике исторического романа одним из ценных моментов является создание произведений, в которых историческая судьба народа превратилась в центральную проблему художественного произведения, точнее, в которых отражалась его историческая трагедия. Романы «Между двумя огнями», «Неукротимая Кура», «Снежный перевал», «Переселение», «Судный день», «Идеал» привлекают внимание именно с этой точки зрения» [4, с. 185].

В романе «Переселение» главную роль играет мироощущение, подсознание автора, а исторический материал (или историчность материала) находит конкретную определенность под углом зрения мастера слова и этим приобретает индивидуальную поэтическую неповторимость. В романе объективную адекватность приобретает диапазон таланта, опыт и культура письма М. Сулейманлы. Читая роман М. Сулейманлы, мы только восхищаемся направлением исторического мышления автора, его мироощущением жизненного материала, многооттеночным описанием морально-нравственных, психологических ситуаций, глубоким усвоением им правил морали и поведения образов в тенденции общего развития событий. Органическое слияние современности и историзма, проживание образов несколько жизней (путем сохранения характера, мышления и поведения) под одними и теми же именами обуславливает жанрово-структурную сложность произведения. События направлены не от прошлого к нашим дням, а от современности к прошлому, причём этот «путь» очень протяженный, долгий. Этот путь уносит читателя в прошлое посредством мифического мышления Имира. Шестилетний Имир будто попадал во сне в водоворот, вращался где-то в «знакомом» ему (водооощущение, чувство сущи, небо – он не мог знать это определённо) мире до искривления рук, ног, рта, глаз. В таких повторяющихся случаях Имир медленно вставал с места, шагал по миру, видя не широко раскрытыми синеватыми глазами, а телом, душой, жизнью. В такие моменты бабушка и брат Имира Бякил, ставив его ноги в воду, будили малыша. Имир как носитель, проводник духа, морально-нравственного мира, образа мышления, культуры наших предков, видел во сне очень давно произошедшие и предвидел будущие события. Он всей душой чувствовал минувшие и грядущие события. Имир видел во сне обнимающихся на лугу Сараджа и Бейим, а чуть подальше «осла соседа с обрезанными ниже колена ногами». Он смешивал все увиденное во сне с реальностью, спрашивал причину не появления дяди Орала, который покинул эти места 200 лет тому назад. Ему кажется, что у осла, пасущегося на лугу, обрезаны ноги и под впечатлением от увиденного бросается на старшего брата. В романе «Переселение» сон и реальность, прошлое

и современность, история и настоящее время являются координатами происходящих событий. С одной стороны – сон Имира, а с другой – реальность настоящего времени. Деревушка, расположенная между двумя горами. Деревушка, состоявшая из домов, покрытых чёрной земляной кровлей. Позеленевшие кровли домов превратили деревушку в зелень. Но всё обречено на развитие, изменение. Уже наступило время приучения племени, прошедшего сотни лет из прошлого в настоящее, к деньгам, в деревушке уже господствуют деньги. Племя, обладающее стадом мелкого рогатого скота, табуном лошадей, стадом крупного рогатого скота, коврами, ковриками, уже само не зная об этом, начало смотреть на эти вещи как на деньги: «Долго жили второпях. Деревушка тайно подготавливалась. Копители денег постепенно замыкались, уединялись. Уже забывали, что ковры являются украшением, убранством, бараны являются живыми существами. Никакое имущество, богатство не было слаще денег. Мулла читал Коран, а мюрид мэйхану (куплеты) за деньги. Были люди, которые просыпались ранним утром и ради денег выносили из своих домов ковры, баранов, крупный рогатый скот, шерсть, сыр, масло» [5, с. 13].

Конечно, между снами Имира и реальностью не было определенной связи, поэтому брат Бякил не верит в его сны. Бякил не считает реальностью «осла с обрезанными ногами», воспринимает как сон также и прохождение Огузских всадников по подошве горы Аглаган. Но сны Имира сбываются. Деревенские дети находят Сараджа и Бейим именно на лугу, утверждают, что их привел сюда Имир. Разгневанный этим Сарадж избил Имира до потери сознания. Осёл тёти Гызбэс с обрезанными ногами также не был новостью для Бякила. Эти новости он впервые услышал от Имира. В Бякиле возникло чувство мести. Снова обнаружился раздор между домом ганыг и обществом Гаракэллэ, продолжающийся столетия. Сломанная рука Имира напоминает Бякилу всё: «Сломаю обе руки, щенок. Если не сломаю, то я не сын Гаракэллэ» [5, с. 19].

Инстинкт раздора вынуждает Дели Домрула обрезать все четыре ноги осла тёти Гызбэс. Дели Домрул, «наматывая телогрейку на свои руки, останавливал жерново на мельнице», «забрав лошадь на плечи», делал несколько шагов вперед, «съедал за один присест тридцать яиц», выпивал один подойник окрошки». В обществе Гаракэллэ много таких мужчин, но не было сумасшедших. Иногда у Дели Домрула бывали припадочки, и он обрезаю хвосты собакам. Но нападение Дели Домрула с топором на тётю Гызбэс и желание убить её вынудило Бякила выступить против этого деяния. Дели Домрул не устоял перед силой Бякила. Причина сумасшествия Дели Домрула, не знавшего всю жизнь чувства боли, снова связана с домом Ганыг: «Боль промывала Дели Домрула как вода. Потом у него заболело сердце. Он положил руку на сердце, хотел сказать что-то. Он хотел сказать: «К дереву привязал меня дитя Ганыга» [5, с. 20–21]. А старики, пожилые люди, которые до сих пор не ведали силу Дели Домрула, думали, что он похож на своего деда Гаракэллэ Алая.

Если иметь в виду, что в традиционных, исторических романах основной конфликт происходит между историческими героями или же между личностями и другой силой времени (эта сила могла быть также господствующей), то в романе «Переселение» мы видим обратное. В этом романе нет исторической личности, нет также господствующей силы или же идеологии. Здесь конфликтующими сторонами являются племена Гаракэллэ и Ганыгушагы. Уже более 300 лет противостояние

племен Гаракэллэ и Ганыг уносило бесчисленное количество жизней с обеих сторон. А смерть последнего представителя племени Гаракэллэ–Геюша (отца Имира) является одной из частей, составляющей сущность романа. В этой части романа писатель, описывающий трёхсотлетнюю вражду двух племен, опирается на высшие моральные ценности. Когда представители племени Ганыгушагы увидели последнего представителя Гаракэллэ Геюша вместе с женой Сэнэм, оставили его в живых. Но и Геюш не хочет оставаться в долгу перед врагами, уточняет место встречи с ними. Геюш, провожая свою жену Сэнэм домой, прощается с ней. Он прекрасно знал, что идёт на смерть (все равно гаракэллинцы не покидают мир своей смертью). Геюш говорит своей жене: «Если будет сын, назовешь его Имиром. О рождении сына не говори никому. Поступайте с ним как с Бикя, скажите, что и это девочка» [5, с. 33].

В результате длительной вражды между Гаракэллэ и родом Ганыг остались в живых всего несколько человек, но последний мужчина племени Гаракэллэ – Геюш, считает уход от борьбы с врагом позором для себя всего племени. Правда, он мог бы переселиться на другое место, но не переселяться. Во-первых, оставить землю, Родину на произвол судьбы – очень тяжелое решение для племени. Описания по всему роману, связанные с возвращением племени на некогда покинутые земли, также подтверждают это. Во-вторых, бегство с поля сражения недостойно племени Гаракэллэ. Именно последний фактор уносит последнего мужчину племени Гаракэллэ Геюша на место встречи с врагом. В сражении он убивает трёх мужчин из племени Ганыг, погибает и сам. Уже число погибших от племени Ганыг перевалило за сто, а количество погибших от племени Гаракэллэ было неизвестно. Вместе с тем «моральный кодекс» вражды не был нарушен и последним «гигантом» племени Гаракэллэ. Не ругать, не обижать его в кругу его семьи, не наносить удар в спину джигиту – эти главные принципы соблюдались в противостоянии этих племен в течение столетий. Например, во время сражения один из воинов племени Ганыгоглу, обращаясь к Геюшу, сказал: «Щенок, глаза выколю». Геюш, не отходя и в последний момент от традиционных принципов, обращаясь к другому противнику, сказал: «Ганыгоглу, скажи соратнику, что мы враждуем уже 300 лет, но между нами не было ругани». А Ганыгоглу Бейбек, даже после потери двух соратников, считая для себя позором выстрел удар в спину позором, говорит: «Геюш, обернись». Оба выстрелили одновременно. Оба из последних сил сели на коней и поскакали рядом. Интересно, что в последние мгновения жизни враги спрашивали друг от друга о местах своих ранений, о боли. Интересны и последние выводы покидающих этот мир соперников:

«Геюш!

Да.

Вражда хорошая штука.

А что в ней хорошего!

Человек растет быстро. Но если дойду домой живым, скажу, чтобы было перемирие. Скажи и ты, скажешь?

Ладно. А кто из наших остался в живых, кому нужно это перемирие?

У входа в деревню кони, топя подкованными копытами по грунтовой дороге, разошлись» [5, с. 34–35].

Но борьба между этими двумя племенами не всегда опиралась на существующий «моральный кодекс». Общество Гаракэллэ, защищая честь земли, рода, общества, соблюдает нормы достоинства и нравственности, взамен всего этого одно племя,

отселок идёт почти к развалу. Племя Ганыгушагы, проигрывающее со временем в межплеменной борьбе, начинает искать себе опору, помощь на стороне. Это событие относится к последующим периодам истории. Они опираются на чужеземцев, добиваются богатства и звания за их счёт. В действительности и чужеземцы именно благодаря роду Ганыг появляются в этих местах и захватывают местное управление. Писатель описывает эту сцену лаконичным образом: «У жителя Ганыгушагы был гость, были порезаны бараны со скрученными рогами, красные бычки. Их очаги дымились, горя над горем, скорбью гаракэллинцев, кипели большие котлы с рукоятками. Представители племён, увидевшие резню гаракэллинцев, напуганные этим событием, служили этому племени. Ганыгский дом кипел. Гости с погонами из без, прибывавшие из города, были перевозбуждены от пиршества. Но почему-то все выглядели разбитыми. Горячий шашлык, преподносимый на крыльцо, крепкое вино на столе, атмосфера веселья, блаженства, созданная пением ганыгского ашуга выглядели подавленными» [5, с. 175–176].

Писатель до конца следит за кровной враждой между племенем Гаракэллэ и родом Ганыг. Он отмечает, что от этой вражды больше пострадало племя Гаракэллэ. М. Сулейманлы уделяет больше внимание нравственным аспектам. Племя Ганыг в течение долгого времени не могло победить племя Гаракэллэ, которое ставило самолюбие и достоинство превыше всего, не хотело подчиниться никому. Племя Ганыг могло добиться своей цели только опираясь на третью силу. Поэтому оно прежде всего признает господство нового племени, служит ему, этим деянием занимает благоприятную позицию и таким образом постепенно уничтожает враждебное племя Гаракэллэ, лишает это племя земель, домов. Всё это описывается в романе реальными и идеальными художественными средствами. По мере приближения событий к настоящему времени общественно-политическая важность, вескость романа ещё более усиливается. Описание некоторых исторических реальностей, возникновение денег, применение оружия входят в структуру произведения как элементы последних 150 лет. Гаракэллинцы близки с домом Гошгара, а род Ганыгушагы с русским правительством. Народ постепенно удаляется от своего образа жизни, от норм общезжития и поведения. Это направление больше присуще к образу жизни рода Ганыгушагы. А гаракэллинцы все ещё предпочитают жить в свете этнической памяти. «Пришло правительство в эти края, установило закон, теперь живём под господством. Ганыгский дом признал правительство, пришёл в ужас. Правительство роздало им ружье, теперь они сильны» [5, с. 107].

Но гаракэллинцы не хотели мириться и с новым обществом, они тоже решили вооружиться. Иногда была слышна стрельба со стороны Ганыгского дома, в эти моменты Бякил говорил: «Спустите на землю человека, найдите ружье, принесите. В противном случае и на нас будут смотреть как на жертвы» [5, с. 108]. Интересно, что первое огнестрельное оружие в Гаракэллэ принесли именно из дома Ганыга сыновья Алая. Алай женился на девушке по имени Чэмэн из племени Гаракэллэ, встретил из-за этого на родине упрекательное отношение; поэтому был вынужден покинуть Ганыг, вернулся на родину только в старости. Стрельба в Гаракэллэ откликнулась в доме Ганыг. Становится ясным, что огнестрельное оружие изготавливает младший сын Алая. Несмотря на то, что Алай жил далеко от родины, остается верным этнической памяти, неуклонно соблюдает обычаи и традиции своего рода.

Он назвал своего первого сына именем Бэйрэк, а второго именем Имир. Оба сына продолжают профессию своих предков. Бэйрек играет на сазе, и Имир – костоправ, он своими пальцами «видит» кость пациентов. Таким образом, новым приходом Алая в отселок на земле Гаракэллэ наступает оживление. Но это оживление продолжается недолго. Женитьба Алая и Чэмэн даже через десятилетия не в состоянии объединить две племена. Кроме этого, происходит такое событие, что на этот раз племя Гаракэллэ вынуждено столкнуться не только с племенем Ганыгушагы, а также с людьми правительства. Посланный дома Ганыг, прибыв в сопровождении 5–10 правительственных всадников в Эйригар, сообщает Гуртан-аге, что пастбища проданы. Продажа пастбищ гаракэллинцев вынуждает их задуматься. В этот момент нельзя было действовать ружьем, необходимо было объединиться против «главнейшего врага». Но мечта об объединении не сбывается. Каждый думает о сохранении своего дома, стада. Они рассуждают так: «Гуртан-ага – человек правительства, дам ему пятьдесят баранов, меня не тронет». Причиной такого положения было то, что гаракэллинцы остались без руководителей, без мудрых людей. Они обратились друг к другу за советом, но никто из них не взял инициативу на себя. Гаракэллинцы с «философией» спокойствия ждали дальнейшего развития событий. Общество Гаракэллэ довольствовался наблюдением переселения Гуртан-аги из Эйригара. Гаракэллинцев удивляло и одновременно несколько успокаивало две вещи: установленная на двухколёсной повозке и направленная на них пушка (до этого момента они не видели пушку и только после объяснения Бякила они поняли что это такое) и девушки с непокрытыми головами и лодыжками. Огни из пушек устрашали гаракэллинцев, а внезапное появление развязных девушек вызывало у них совершенно другие чувства. Предложение гаракэллинцев прийти к соглашению с Гуртан-агой, покинуть землю предков и обосноваться в горах, также не дало результат. Наоборот, Гуртан-ага дал золотые деньги пастухам своего крупного рогатого скота, караульщикам своего заповедника, пастбища. Этот поступок Гуртан-аги вынудил их задуматься. «Золотые деньги» как и «развязные» девушки Гуртан-аги привлекают всех. Гаракэллинцы считают, что благодаря деньгам они до сих пор не были побеждены племенем Ганыг. В свое время женщины призывали мужчин перейти от кочевничества к оседлому образу жизни со словами: «Мужчины, верующие в Танры, слезайте с коней, слезайте, осядем и создадим для себя постоянное жилище». А сегодня они инстинктивно чувствуя наступление господства денег, призывали мужчин к признанию правительства: «Вы не сможете тягаться с правительством. Не оставляйте нас без сыновей, мужчин, затеяв новую резню. Всё равно мы сами для себя бесплатные, бесправые слуги, пойдем и поработаем, понадобится господам, получим вознаграждение за службу. Мир вернулся к деньгам. Работали, наживались до сих пор, а чего добились? Безостановочно двигаемся с вечера, а утром оказываемся позади всех» [5, с. 127]. Юноши рода Гаракэллэ во главе с Ардыджом и Аманом говорили о девушках, живущих в таборе (кочевье) Гуртан-аги, звали их. В результате первой стычки был убит один из слуг Гуртан-аги. Прибыл правительственный всадник, арестовал Бэйрэка, двух джигитов Гаракэллэ и посадил их в темницу. Арестованный Бэйрэк думает так: «Хорошо, что случилось так, нас ведут к правительству, там узнают и о нашем существовании, в результате вернут нам

земли». Но проходит время, ушедшие не возвращаются, а сын Угура Аман влюбляется в дочь «гяура» («безбожника»). Женщины, девушки племени Гаракэллэ, получив это известие, ужаснулись. Племя Гаракэллэ, создавшему дастан «Алай и Сэнэм», предстояло создание еще одного произведения, посвященного любви. Эллы и Амана. Сближение общества Гаракэллэ с Гуртан-агой и предполагаемое их родство в ближайшее время обеспокоило Ганыгский дом. Поэтому Ганыгский дом поступил хитроумно: Когда Аман и Элла были вместе на лугу, Аман был поражен семью выстрелами. Ганыгцы думали, гаракэллинцы будут связывать смерть Амана с Гуртан-агой. Невозвращение уведенных, внезапное убийство Амана стало поводом для нового вооружения общества Гаракэллэ. Началось неслыханное, невиданное, сражение для гаракэллинцев: они сначала сражаются с ганыгцами, а затем с вооруженными силами Гуртан-аги. В этом сражении участвовали также и девушки племени Гаракэллэ, переодетые в мужскую одежду. Они также поднялись на защиту самолюбия, своих земель. В сражении против правительственных сил, Ганыгского дома и Гуртан-аги общество Гаракэллэ потеряло много джигитов. Угур, взявший на себя руководство, при смерти сказал Ардыджу, что совершил ошибку, выступая против объединенных врагов. Он завещал ему, чтобы тот собрал людей своего племени и признал правительство. С той поры общество Гаракэллэ потеряло и остальные земли, начало служить Гуртан-аге, платить ему налоги, было вынуждено выполнять все требования Гутлуг оглу из племени Ганыг, являвшегося приближенным человеком Гуртан-аги. Все подвержено изменению. Меняется жизнь. Меняется и род Гаракэллэ. Всадники Ганыгского дома не убивают пятнадцатилетнего сына признают свою трусость. Ганыгцы дают ему возможность оставить свою сестру дома, вооружиться и прибыть на поле сражения. Ганыгец, который всегда был свидетелем мужества, бесстрашия гаракэллинцев, спросил у него: «Придешь?». Вместо юноши на этот вопрос ответила его сестра: «Придет, но пока он без оружия». Таким образом, юноши Гаракэллэ постепенно теряют свое слово в обществе, живут и растут, алыша слова «не выходи, убьют». Растущее племя Ганыг также смешивается с племенем Гаракэллэ. В свое время ганыгцы приютились у рода Гаракэллэ, а сейчас общество Ганыг возросло, разбогатело и опирается на большие силы. Ныне гаракэллинцы, имеющие сыновей, жили и мыслью засватать девушку из дома Ганыг. А гаракэллинцы имеющие дочерей, мечтали о родстве с этим же домом.

В романе описываются общественно-исторические события до начала XX столетия. Переполюх в России повлиял и на Кавказ. Гуртан-ага очень обеспокоен этим обстоятельством. Все равно люди, служившие ради денег, наживы Гуртан-аге не были близки к земле как гаракэллинцы, они не могли любить цветок, траву, воду, деревья этого края. А ганыгцы были заняты накоплением денег, угощением гостей шашлыком. Несмотря на давления, на потери, пристрастие к родной земле дало жизнь обществу Гаракэллэ. Гаракэллинцы не оставляют родные, древние земли своих предков, не переселяются на новые края. Наоборот, Ардыдж из рода Гаракэллэ, избежав резни, примкнул к создателям местного управления и постарался избавить свой род, свое общество от Ганыгского дома и от Гуртан-аги. С этой точки зрения действия Ардыджа имеют символический смысл. Возвращение Ардыджа во главе отряда в родной Гаракэллэ совпадает с уходом Гуртан-аги с этого края. Создаются реальные условия

для возвращения рассеянных гаракэллинцев на свои земли. Возвращение на Родину также и потомков дяди Орал, который был из этого рода, но в свое время нарушил неписанные законы, тысячелетние традиции племени и был вынужден покинуть Гаракэллэ, в действительности было возвращение к истокам, к своей истории. Писатель образом Орала показывает жесткость и низменность морального кодекса края. Орал, совершивший в свое время кражу и этим поступком запятнавший честь племени, был вынужден от стыда покинуть родной край. Но после его ухода гаракэллинцы не допускают развала дома, имущества Орала, и это положение продолжалось десятилетиями. Присматривать за имуществом, умножить это имущество и, наконец, вернуть снова хозяину, в свое время из-за кражи покинувшего родной край, – все это исходит из архаического образа мышления племени. А возвращение умноженного с годами сознания Орала к роду можно оценить как передачу «аманата» («залога») от поколения к поколению. В конкретном случае от поколения к поколению переходит не только стадо, имущество, а также морально-нравственные нормы народа, сообщества. Именно эти нормы могут хранить гаракэллинцы. Таким образом, кроме явного конфликта в романе завершается и борьба двух скрытых сил – добра и зла. Эта борьба завершается победой добра. Роман «Переселение» М. Сулейманлы дает широкий и богатый материал для азербайджанской литературной критики и истории литературы. И с точки зрения идейно-художественных особенностей, оригинальности в вопросах поэтики, богатства содержания и формы это произведение дает толчок новому отражению прозы М. Сулейманлы в современном литературном процессе. Здесь можно вести речь не о поисках, а о стабильной тенденции содержания и стиля. Особенно создание карты морально-нравственного, этнографического развития этого племени (сообщества, народа, нации) наряду с путем исторического развития наших предков можно считать новым качественным явлением в азербайджанской прозе. Мораль, нравственность племени Гаракэллэ, его привязанность к истории, прошлому осмысливается не только как художественный итог, но приобретает также философско-общественную сущность. Одновременно формируется современное отношение к этим морально-нравственным качеством, в памяти читателя в течение долгого времени живут образы Бякила, Алая, Амана, Дели Домрула, Чичэк, Имира. Но здесь было бы уместно отметить один вопрос: Ни один из чрезвычайно интересных образов не может возвыситься до уровня характера, точнее автор романа в каждом из этих образов описывает одну особенность и не преследует до конца линию движения образов в романе. Мы считаем, что если бы писатель описал один из этих образов всем своим величием и монументализмом, то нам пришлось бы признать этот образ феноменом в литературе Азербайджана наряду с образом Джахандар-аги (роман «Неукротимая кура» Исмаила Шыхлы).

Выводы. Действительно, в романе «Переселение» М. Сулейманлы очень много образов, которые могут возвыситься до уровня Джахандар-аги, просто у автора не было намерения описывать эти образы в динамике до конца и возвысить их до уровня характера. Отрывистость в описании событий, сюжетов и образов (представление нескольких образов под одним именем и др.), временная и пространственная и парадоксальность, авторская позиция в отношении жизненной истины и образа также вынудили бы писателя прийти к такому

выводу. Замечания литературных критиков, связанные с этим романом, исходят из желания увидеть такое монументальное произведение прозы более совершенным. А. Гусейнов так выразил свое «желание-замечание»: «Сколько бы в условно-символическом плане, в метафорическом значении не воспринималось произведение, автор должен был умножить свое внимание на диалектическое отражение судьбы рода Гаракэллэ, явлениям внутри этого рода как на реальный исторический процесс. Роман обобщен как путь исторического развития одного народа, одного национального характера, возвысился до такого значительного идейного уровня, поэтому этот путь должен быть оживлен со своими противоречиями и сложностями» [2, с. 186].

Несомненно, что романе в критик имел ввиду не обогащение наших представлений новыми сообщениями, (этнографическими или историческими) о кочевничестве, а обстоятельное, многообразное описание глубоких изменений, происходивших в быту, в морально-психологическом состоянии племени Гаракэллэ, перешедшего с кочевого образа жизни к оседлому с точки зрения исторической истины. В действительности, в произведении оседлый образ жизни гаракэллинцев освещается меньше, чем кочевой. Этот длинный путь исторического развития показывается всего несколькими деталями.

Литература:

1. Гусейн М. Сочинения. В 10-ти томах. Том X. Баку, Язычы, 1979, 634 с. (на азерб. языке).
2. Гусейнов А. Критерий искусства. Баку, Язычы, 1986, 315 с. (на азерб. языке).
3. Иманов М. Психологизм в современной азербайджанской прозе. Баку, Язычы, 1978, 198 с. (на азерб. языке).
4. Набиев Б. Роман и современный герой. Баку, Язычы, 1987, 296 с. (на азерб. языке).
5. Сулейманов М. Переселение (Роман и повести). Баку, Язычы, 1984, 278 с. (на азерб. языке).

Бабаева Е. Синтез историзма и модернизма (роман «Переселения»): художник в розмах исторического мышления)

Анотація. У статті аналізується проблема дослідження історизму і модернізму на основі роману відомого азербайджанського прозаїка М. Сулейманли «Переселення». Підкреслюється, що автор, не використовуючи традиційний шлях історичного роману, створив оригінальний твір на історичну тему. У цьому романі немає історичної особистості, немає панівної сили, або ідеології. Тут конфліктуючими сторонами є племена Гаракелле і Ганигушаги. Письменник описує трьохсотрічну ворожнечу двох племен, спирається на вищі моральні цінності. М. Сулейманли приділяє велику увагу моральним аспектам. У романі головну роль грає світовідчуття, підсвідомість автора і історичний матеріал. Роман «Переселення» займає гідне місце в азербайджанській прозі ХХ століття.

Ключові слова: М. Сулейманли, історичний роман, конфлікти, художнє мислення, морально-етичні норми.

Babaeva E. Synthesis of historicism and modernism (novel «Resettlement»): the artistic scope of historical thinking)

Summary. The article analyzes the problem of the study of historicism and modernism on the basis of the novel «Resettlement» by the famous Azerbaijani prose writer M. Suleymanly. It is emphasized that the author, without using the traditional way of the historical novel, created the original work on a historical theme. In this novel there is no historical personality, no dominant force, or ideology. Here the conflicting sides are the Garakelle and Ganygushagy tribes. The writer describes the three-hundred-year-old enmity of two tribes, is based on the highest moral values. M. Suleymanly pays much attention to moral aspects. In the novel, the main role is played by the attitude and subconscious of the author and historical material. The novel «Resettlement» occupies a worthy place in the Azerbaijani prose of the XX century.

Key words: M. Suleymanly, historical novel, conflicts, artistic thinking, moral and ethical norms.